

Джудит Керр



**КАК БОГ  
СЪЕЛ  
ЧТО-ТО  
НЕ ТО**



Judith Kerr

**BOMBS ON  
AUNT  
DAINTY**

Джудит Керр

# КАК БОГ СЪЕЛ ЧТО-ТО НЕ ТО

Перевод с английского Марины Аромштам



БЕЛАЯ ВОРОНА  
ALBUS CORVUS

# ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

*Художественное электронное издание*

*Для детей среднего и старшего школьного возраста*

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года  
маркируется знаком **6+***

## **Керр, Джудит**

Как Бог съел что-то не то : повесть / Джудит Керр ; худож. Дж. Керр ; пер. с англ. М. Аромштам. — М. : Белая ворона / Albus Corvus, 2020.

ISBN 978-5-00114-125-9

Продолжение книги «Как Гитлер украл розового кролика».

1940 год, Великобритания. Анна — пятнадцатилетняя девушка, в которой никто не узнал бы немецкую беженку, а ее брат Макс — один из лучших студентов Кембриджа. Семья Анны избежала смертельной опасности во Франции, но война настигает их и в Лондоне. Бомбежки, страх, ночные кошмары, а вдобавок — эмигрантская бедность, неустроенность и неожиданное притеснение со стороны английских властей. Все, что Анна может противопоставить выпавшим на ее долю трудностям, — это молодость, талант и жажда счастья. Но достаточно ли этого?

Эта книга — вторая часть автобиографической трилогии Джудит Керр о жизни в эпоху Гитлера.

Text and illustrations © Kerr-Kneale Productions Ltd 1975

Translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd

© Марина Аромштам, перевод, 2019

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2019

## ПРЕДИСЛОВИЕ



Джудит Керр родилась в Берлине, в семье немецких евреев. Ее отец Альфред Керр, выдающийся писатель, яростно выступал против нацизма задолго до прихода Гитлера к власти. В 1933 году семья Керр была вынуждена покинуть Германию. Джудит тогда было девять лет.

«Как Бог съел что-то не то» — вторая часть трилогии, в основе которой лежат события из жизни самой Джудит Керр. В первой части, «Как Гитлер украл розового кролика», ее семье буквально в последний момент перед приходом нацистов к власти удается покинуть Германию. Сначала беженцы ведут деревенскую жизнь в Швейцарии, потом вынуждены эмигрировать во Францию и в конце концов оказываются в Англии.

Две следующие части посвящены взрослению героини во время Второй мировой войны в Лондоне, ее обучению в школе искусств и вступлению в брак с писателем Найджелом Нилом.

Джудит Керр также известна как автор и иллюстратор книжек-картинок — в первую очередь невероятно популярных историй о кошке Мяули (по-английски — Mog) и книги «Тигр, который пришел на чай», переведенной более чем на тридцать языков.

Джудит Керр долгое время жила в Лондоне вместе с мужем и кошкой Пузи. Ее дочь стала кинорежиссером, а сын — писателем.

23 мая 2019 года Джудит Керр скончалась в возрасте 95 лет.

*Моему брату Майклу*

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



## ГЛАВА ПЕРВАЯ

**А**нна стояла в своей комнате в лондонском доме семейства Бартоломью. Она наконец-то подшила болтавшийся подол юбки и надела новые колготки — не черные из магазина «Вулворт», а более дорогие, бежевые, из «Маркс и Спенсер». Свитер — она сама его связала — неплохо сочетался с юбкой. А прелестные туфельки, доставшиеся ей от одной из сестер, были начищены до блеска. В предвкушении сногшибательной картинки Анна наклонила зеркальце, стоявшее на комод, чтобы поймать свое отражение.

Но как обычно, ее постигло разочарование. Обстановка комнаты сводила на нет все ее усилия. С первого взгляда было ясно: Анне здесь не место. На фоне шелкового покрывала, элегантных обоев и дорогой полированной мебели она выглядела опрятно, но невзрачно. Маленькое существо в темном. Прямо служанка, подумала она. Или сиротка. Нет, в такой комнате должна жить более дерзкая, богатая и жизнерадостная личность.

Присев на обитую пестрой тканью табуретку, Анна разглядывала свое лицо в зеркале — и все ее раздражало: темные волосы, зеленые глаза, сверхсерьезный вид.

Ну почему она хотя бы не блондинка? Всем известно, что светлые волосы гораздо красивее темных. Все кинозвезды, от Ширли Темпл до Марлен Дитрих, — блондинки. И брови у нее тоже не такие, как надо. Брови должны быть тонкими и изящно изогнутыми, как будто их нарисовали карандашиком. А ее брови густые и почти прямые. А уж что касается ног... О своих ногах Анна даже думать не хотела: они слишком короткие! Анне казалось, что иметь короткие ноги — не столько

природный недостаток, сколько свидетельство отсутствия вкуса.

Она наклонилась вперед, почти вплотную приблизившись к отражению. По крайней мере, подумала Анна, вид у меня неглупый. Она нахмурилась и сжала губы, пытаясь усилить впечатление. «Умненькая», — сказали ей в школе-интернате мисс Меткаф. «Какая умненькая маленькая беженка!» Она сначала не поняла, что это звучит унижительно. В интернате ее никто особенно не любил. «Теперь со всем этим покончено», — подумала Анна.

Она открыла сумочку из потрескавшейся коричневой кожи — одну из старых вещей, которую мама прихватила из Берлина, — вынула пудреницу и начала тщательно пудрить нос. А вот губы — пока нет. В пятнадцать лет красить губы неприлично.

Будь у нас свой дом, мне бы никогда не пришлось ходить в эту школу, думала Анна. Но они жили в гостинице. Из-за этого все и случилось: им не хватило денег. Настал день, когда мама с папой не смогли больше оплачивать ей гостиничную комнату (пусть и самую дешевую). И Анна стала чем-то вроде ходячей посылки, которую передают на хранение то одному человеку, то другому. Причем неизвестно, кто станет следующим «хранителем». А в интернат мисс Меткаф ее взяли бесплатно. Вот и все объяснение. По той же причине она теперь живет у Бартоломью: это не стоит им ни гроша (впрочем, Бартоломью — их старые друзья, и жить у них намного лучше, чем в интернате).

Анна вздохнула. Какую ленту для волос взять? У нее было две — коричневая и зеленая. Какую выбрать? Она остановилась на зеленой, повязала ее вокруг головы и снова взглянула в зеркало. Пожалуй, сойдет... За неимением лучшего...

В доме часы пробили десять: пора идти. Ее ждут мама с папой. Анна подхватила пальто, проверила свою

сумочку: часы, фонарик, удостоверение личности, кошелек... Кошелек был на удивление легким. Анна открыла его: пустой! Четыре пенса на проезд, должно быть, выпали куда-то в сумку. Она все перерыла: ключи, фонарик, удостоверение личности, пудреница, два карандаша, автобусный билет, обертка от печенья, крошки... А денег нет! Но куда же они могли деться? Они же были! Анна прекрасно это помнит. Она судорожно обыскала карманы пальто. И тут нет... Надо же, именно тогда, когда она считала, что у нее все в порядке! Черт, черт, черт!..

Анна засунула содержимое сумки обратно, взяла пальто и вышла из комнаты. И что теперь делать? Ее будут ждать, а ей нечем заплатить за проезд!

На лестничной площадке было темно: видимо, горничные забыли поднять шторы затемнения<sup>1</sup>. Может, ей одолжить денег у горничных? Нет, она не сможет. Надеюсь, что случится какое-нибудь чудо, Анна стала спускаться по лестнице, покрытой толстым ковром.

Когда она проходила мимо бывшей классной комнаты, теперь превращенной в подобие гостиной, ее окликнули. Голос с американским акцентом звучал дружелюбно:

— Это ты, Анна? Зайди на минутку, пожалуйста. Я тебя несколько дней не видела.

Миссис Бартоломью.

Может быть, попросить денег у нее?

Анна открыла дверь в комнату. Миссис Бартоломью в халате сидела и пила кофе. Прямо перед ней на испачканной чернилами парте стоял поднос и лежала неровная стопка детских книг.

— Воскресенье, а ты поднялась так рано, — заметила она. — Собираешься навестить родителей?

В голове у Анны вертелись разные ответы: «Да, но боюсь, у меня нет...» или «Не могли бы вы одолжить

мне...» Но вместо этого она сказала:

— Да.

— Представляю, как они обрадуются, — и миссис Бартоломью взмахнула какой-то книжкой — оказалось, «Сказками» Андерсена. — А я вот сижу здесь, скучаю по девочкам. Джуди так любила эту книгу — три-четыре года назад. И Джинни тоже. Мне кажется, это забавно, делать уроки вместе?

Анна с трудом заставила себя не думать о своих неприятностях:

— Да, это весело.

— Эта война — какое-то сумасшествие, — сказала миссис Бартоломью. — Все отправили своих детей из Лондона — думали, Гитлер будет его бомбить. Но прошло полгода, а ничего не случилось. Лично я устала от этого. Я хочу, чтобы девочки вернулись сюда, ко мне. Джинни утверждает, что, по всей видимости, вся их школа скоро вернется в город. Было бы чудесно, правда?

— Да, — согласилась Анна.

— Девочкам очень приятно, что тебе хорошо в нашем доме, — тут миссис Бартоломью заметила, что Анна топчется на пороге комнаты. — Заходи, дорогая! — всполошилась она. — Наливай себе кофе и расскажи, как дела. Как поживают твои замечательные Курсы изобразительного искусства?

— Мне действительно надо идти, — сказала Анна.

Но миссис Бартоломью настояла на своем. И вот Анна уже сидит за партой с чашкой в руках. За окном плывут серые облака, ветки деревьев качаются под дождем. На улице, видимо, довольно промозгло... Но почему она не может попросить денег на проезд, если ей представился случай?

— Расскажи мне, чем ты занимаешься, — попросила миссис Бартоломью.

Чем она занимается?

— Это базовый курс по искусству, — как же трудно заставить себя сосредоточиться на разговоре. — Нас учат всему понемногу. На прошлой неделе мы рисовали друг друга. Мне все это нравится.

Преподаватель взглянул на рисунок Анны и сказал, что у нее настоящий талант. От этого воспоминания у Анны внутри потеплело.

— Но с точки зрения будущего заработка это не слишком практично, я понимаю.

(А может, преподаватель просто проявил доброту?)

— Послушай, — воскликнула миссис Бартоломью, — в твоём возрасте не подобает рассуждать практично! По крайней мере до тех пор, пока ты живёшь в этом доме. Я понимаю, как трудно сейчас твоим родителям — чужая страна и все прочее. Но нам нравится, что ты живёшь у нас. И ты можешь жить у нас столько, сколько захочешь. Так что в первую очередь надо сосредоточиться на образовании. Я думаю, что у тебя все будет отлично получаться. И ты непременно должна написать моим девочкам. Я уверена, им будет очень интересно.

— Да, спасибо. Конечно.

Миссис Бартоломью взглянула на Анну внимательно:

— У тебя все в порядке?

— Да. Только мне надо идти...

Миссис Бартоломью вышла в холл вместе с Анной и наблюдала, как та надевает пальто.

— Погоди-ка минутку! — миссис Бартоломью нырнула куда-то в глубины шкафа и извлекла оттуда серый плотный сверток: — Вот, надень! Это шарф Джинни.

Она обернула шарфом шею Анны и поцеловала ее в щеку:

— И скажи, ты уверена, что тебе ничего не нужно?

Вот сейчас и надо было сказать... Это выглядело бы так естественно, и миссис Бартоломью ни за что бы не отказала...

Но на Анне туфли Джуди и шарф Джинни... Она взглянула в доброе лицо миссис Бартоломью — и вдруг поняла, что невозможно просить у нее денег; покачала головой и улыбнулась. Миссис Бартоломью улыбнулась в ответ и закрыла за Анной дверь.

«Черт!» — думала Анна, устало шагая по Холланд-Парк-авеню. Теперь ей придется тащиться пешком до самого Блумсбери — лишь потому, что у нее нет четырех пенсов на метро!

Стоял холодный ясный день, и сначала она пыталась думать об этом как о приключении. «Мне нравятся физические упражнения, — придумывала она оправдания для мисс Меткаф. — Если это, конечно, не лакросс...»<sup>2</sup>. Но ее объяснения, как обычно, никуда не годились, и воображаемая беседа заглохла.

В воскресенье многие не торопились выбраться из кровати. Окна домов все еще были затемнены, а магазины закрыты. Работал только писчебумажный магазин на Ноттинг-Хилл-гейт. На прилавках снаружи лежали газеты, пестревшие заголовками: «Последние военные новости». Но в новостях, как обычно, ничего необычного. На ломбарде рядом с метро по-прежнему висела вывеска, сильно озадачившая Анну, когда она только приехала в Лондон и еще плохо говорила по-английски. Вывеска гласила: «Обменяйте свое старое золото на наличные!» («Turn Your Old Gold Into Cash!»). Но от буквы G отвалился маленький кусочек, и слово «золото» (Gold) превратилось в «простуду» (Cold): «Обменяйте свою старую простуду на наличные!»

Анна вспомнила, как ходила делать уроки вместе с Джинни и Джуди мимо ломбарда с этой вывеской и каждый раз гадала, что бы это значило. Если она зайдет в ломбард и чихнет, будто простудилась, ей дадут за это деньги?

Конечно, теперь все считали, что она говорит по-английски как настоящая англичанка. И у нее давно исчез американский акцент, который она усвоила из общения с девочками Бартоломью. Анна и не думала, что ходит к ним только для того, чтобы учиться английскому. Предполагалось, что и девочки будут учиться у нее немецкому и французскому (французским Анна овладела в Париже, куда ее семья переехала, спасаясь от Гитлера). Но все получилось не совсем так. Анна быстро подружилась с Джинни и Джуди, и они стали болтать по-английски. Миссис Бартоломью против этого не возражала.

На площади Кенсингтон-Гарденс дул пронизывающий ветер.

Под порывами ветра громыхали вывески, указывающие путь к бомбоубежищам, которые до сих пор ни разу не использовались. Между свежевырытыми траншеями все еще росло несколько подмерзших крокусов. Анна засунула руки глубоко в карманы своего старого серого пальто. А все-таки как глупо идти вот так пешком, думала она. Ей холодно, она опоздает, мама будет гадать, куда же подевалась дочка. Глупо жить с постоянным ощущением нехватки денег, когда потеря четырех пенсов означает крушение всех планов. И как можно быть настолько стыдливой дурочкой и не решиться одолжить эти деньги — раз они так нужны? И как она только умудрилась их потерять? И ведь она была в полной уверенности, что отложила деньги на следующий день! Серебряный трехпенсовик и две монетки по полпенни. Она как сейчас их видит!

Как же мне из-за этого плохо, думала Анна. Какая же я несобранная!

И тут же рядом с ней выросла высокая тень мисс Меткаф. Тень саркастически выгнула бровь и произнесла: «Бедняжка Анна!»

На Оксфорд-стрит было пустынно. Витрины больших магазинов были заклеены крест-накрест полосками коричневой бумаги — чтобы они не вылетели во время воздушных налетов. Но кафе «Лайонс Корнер Хаус» было открыто, и там в ожидании чашки чая толпились солдаты. Когда Анна дошла до входа на станцию подземки «Оксфорд-Серкус», выглянуло солнышко и стало чуть веселее. В конце концов, все ее проблемы связаны не только с тем, что она слишком стеснительная. Вот папа понял бы, почему она не смогла одолжить деньги у миссис Бартоломью, пусть и совсем незначительную сумму. Ее ноги устали, но пройдено уже две трети пути до дома и, возможно, она совершает сейчас нечто необыкновенное.

«Однажды, — небрежно бросит когда-нибудь взрослая Анна состарившейся мисс Меткаф, — я прошла пешком от Холланд-парка до Блумсбери — только ради того, чтобы не одалживать четыре пенса!» И это произведет на престарелую мисс неизгладимое впечатление.

На Тоттенхэм-Корт-роуд газетчик разложил воскресные газеты прямо вдоль тротуара. Анна шла и читала заголовки: «Скоро ли будем пить чай?», «Верните эвакуированных!», «Английские любители собак поражены в правах!», а потом вдруг обратила внимание на дату: 4 марта 1940 года. Ровно семь лет с тех пор, когда они уехали из Берлина и стали беженцами. Почему-то это показалось ей важным. Вот как она отмечает годовщину этого события: без единого пенса, но успешно преодолевая трудности! Ничто не может ее сломить! Возможно, когда через много лет она станет богатой и знаменитой, кто-нибудь вспомнит...

«Конечно, я помню Анну! — скажет престарелая мисс Меткаф журналисту «Пате-ньюс»<sup>3</sup>. — Она была так



отважна! Так талантлива! Мы всегда ею восхищались!»

Дотащившись до улицы Хай-Холборн, Анна свернула на Саутгемптон-роуд и почти у самой гостиницы вдруг ощутила слабое позвякивание в подкладке пальто. Неужели?... Заподозрив неладное, она пошарила в кармане... Ну конечно — дырка! Уже предчувствуя результат, она, одной рукой придерживая подол, засунула два пальца другой руки в дырку, нащупала за подкладкой маленькую кучку монет и извлекла наружу полпенсовики и три пенни. С минуту Анна стояла не двигаясь, уставившись на деньги. «Как всегда!..» — Анну охватила такая ярость, что она произнесла эти слова вслух, довольно громко — к удивлению проходившей мимо семейной пары.

Разве не характерен для нее весь этот утренний цирк? Это смущение в присутствии миссис Бартоломью, эти переживания, правильно или неправильно она поступает, этот ее поход, ее ноющие ноги — все оказалось пустой тратой времени! Кто еще, кроме нее, способен на такое поведение? Как же она от себя устала! Она наконец должна измениться. Все должно измениться...

С зажатыми в руке деньгами Анна перешла на другую сторону улицы: здесь перед чайным магазином женщина продавала нарциссы.

— Сколько стоят цветы?

Оказалось, три пенса букетик.

— Дайте один, пожалуйста.

Это было совершенно нелепо — взять и купить цветы. И нарциссы, тут же поникшие в ее руке, не стоили этих денег. Но хоть что-то... Она хотя бы сможет подарить цветы маме с папой. Она скажет: «Сегодня исполнилось семь лет с того дня, как мы уехали из Германии. Я дарю вам вот это...». И, может, цветы принесут им удачу. Может быть, папу попросят что-нибудь написать. Может, ему пришлют деньги. И вообще все пойдет по-

другому. И все изменится из-за того, что она не истратила деньги на дорогу, а купила на них нарциссы. А даже если и не изменится, то мама с папой хотя бы обрадуются: цветы поднимут им настроение.

Анна толкнула входную дверь гостиницы «Континенталь», и старый портье, дремавший за стойкой, приветствовал ее по-немецки:

— Ваша мама уже беспокоилась, куда вы подевались.

Анна оглядела зал. Вокруг столиков на потертых кожаных стульях сидели постояльцы гостиницы — беженцы из Германии, Чехии, Польши, надеявшиеся, что их дела как-нибудь вдруг улучшатся. Но мамы среди них не было.

— Я поднимусь в ее комнату, — сказала Анна портье.

И тут же услышала:

— Анна!

Мама, с покрасневшим от волнения лицом, в глазах — тревога, выскочила из закутка, где стоял гостиничный телефон:

— Где тебя носило? Я только что звонила миссис Бартоломью. Мы думали, что-то случилось! Макс как раз здесь. Он задержался немного — так хотел с тобой увидеться!

— Макс? Он в Лондоне?

— Его подбросил один из кембриджских друзей, — мама наконец успокоилась — как всегда, стоило ей заговорить о своем замечательном сыне. — Он приехал сюда в первый раз и сразу встретил друзей. Друзей-англичан, конечно. Теперь они собираются вместе обратно, — это мама добавила специально для сведения тех немцев, поляков и греков, которые могли ее слышать.

Когда они поднимались по лестнице, мама заметила в руках Анны нарциссы.

— Что это?

— Я купила.

— Купила?! — вскричала мама.

Но ей помешали дать волю негодованию: из туалета появился поляк среднего возраста.

— А! Отыскалась пропавшая! — отметил он с удовлетворением, оглядывая Анну. — Я говорил вам, мадам: она просто задержалась, — и вскоре поляк скрылся в своем номере в другом конце коридора.

Анна вспыхнула:

— Я опоздала не так уж сильно.

Но мама заторопилась: времени у них было немного.

Папина комната находилась на верхнем этаже. Когда они вошли, Анна чуть не споткнулась о Макса, сидевшего на краю кровати как раз напротив двери.

— Привет, сестренка! — сказал он (так мог бы сказать герой какого-нибудь английского кино) и поцеловал ее в щеку.

— Я потратила уйму времени, чтобы сюда добраться, — заметила Анна, протискиваясь мимо стола с пишущей машинкой к папе, чтобы его обнять. — Bonjour, Papa! — папе нравилось говорить по-французски.

Папа выглядел уставшим. Но взгляд его, как обычно, был умным и ироничным. Папа всегда интересовался происходящим вокруг, подумала Анна, хотя в последнее время ждать добрых вестей не приходится.

Она протянула папе нарциссы:

— Вот, купила. Сегодня семь лет с того дня, как мы уехали из Германии. Я подумала, может, они принесут нам удачу.

Нарциссы совсем увяли, но папа взял их со словами «Пахнут весной!», налил воды в стаканчик для чистки зубов, и Анна поставила туда цветы. Стебельки перевесились через край стакана, цветочные головки легли на стол.

— Боюсь, они переутомились, — заметил папа, и все рассмеялись.

Вот и хорошо: по крайней мере, цветы развеселили папу.

— И как бы то ни было, мы все вместе — все семь лет эмиграции. Можно ли желать большего?

— Я знаю того, кто желает большего! — заявила мама.

Макс хмыкнул.

— Возможно, семь лет — многовато, — он повернулся к папе. — Что ты думаешь о войне? Начнется война? Когда?

— Когда Гитлер решит, что пора. Проблема лишь в том, окажется ли готова к войне Британия.

Разговоры такого рода уже стали привычными, и мысли Анны унеслись далеко. Она села на кровать рядом с Максом, позволив ногам отдыхать. Ей нравилось в папиной комнате. Где бы они ни жили — в Швейцарии, в Париже, в Лондоне, — папина комната всюду выглядела одинаково. Всегда там был стол с пишущей машинкой (уже довольно расшатанной), книги, уголок на стене, куда папа прищипливал фотографии и открытки, газетные материалы по теме, которой он интересовался, — все так плотно друг к другу, что даже газета с крикливыми заголовками не бросалась в глаза своими размерами; портреты папиных родителей, одетых по викторианской моде; трубка из морской пенки, которую папа никогда не курил, но ему нравилась ее форма; пара каких-нибудь самодельных шуток, в практическую ценность которых он свято верил.

Сейчас у него был период увлечения мышеловкой, сделанной из картонной коробки. Крышка коробки удерживалась в открытом состоянии с помощью карандаша. На дне коробки лежал кусочек сыра. Крышка должна была захлопнуться в тот момент, когда мышь принималась за сыр. После этого папа собирался извлечь мышь из коробки и торжественно даровать

ей свободу в Рассел-сквере. Но в этом папа пока не очень преуспел.

— Как твоя мышь? — поинтересовалась Анна.

— Пока разгуливает повсюду. Я видел ее прошлой ночью. У нее совершенно английская мордочка.

За спиной Анны беспокойно заерзал Макс.

— Никого в Кембридже не волнует война, — сказал он маме. — Я недавно зашел на призывной пункт. Там мне прямо сказали, чтобы я прежде всего думал о том, как защитить диплом, а потом уже — о призыве.

— Потому что ты получаешь стипендию! — гордо отозвалась мама.

— Нет, мама. Точно так же ответили моим друзьям. Всем посоветовали отложить эти мысли на пару лет. Возможно, к этому времени папа уже получит гражданство.

По прошествии четырех лет обучения в школе и двух семестров обучения в Кембридже Макс выглядел и говорил как истинный англичанин. Его ужасно раздражало, что при этом он не имеет гражданства.

— Если только они захотят сделать для папы исключение, — заметила мама.

Анна взглянула на папу и попыталась представить его в образе англичанина. Это оказалось сложновато. Тем не менее она воскликнула:

— Ну конечно, они должны! Он же не кто-нибудь! Он известный писатель!

Папа окинул взглядом обшарпанную комнату.

— Ну, прямо скажем, не очень известный в Англии.

Возникла пауза, и Макс поднялся, чтобы идти. Он обнял маму и папу и подмигнул Анне:

— Проводи меня до метро. А то мы совсем не пообщались.

Они в молчании спустились по лестнице, и, как обычно, присутствовавшие в холле постояльцы гостиницы с восторгом провожали Макса глазами.

Светловолосый, голубоглазый, он всегда был красивым (не то что я, подумала Анна). Находиться с ним рядом здорово... Но ей бы хотелось посидеть чуть подольше, прежде чем снова пускаться в путь.

Когда они вышли из гостиницы, Макс спросил по-английски:

— Ну, как у тебя дела?

— Все в порядке, — ответила Анна. (Макс шагал быстро, и у нее опять заболели ноги.)

— Папа сильно расстроен. Он хотел вести на Би-би-си пропагандистскую передачу для немцев Германии. Но его туда не взяли.

— Почему, черт возьми?

— Он слишком известен немцам. Ярый антифашист. Поэтому они будут предвзято относиться к его словам. По крайней мере, существует такое мнение.

Макс покачал головой.

— Мне кажется, он постарел и выглядит очень уставшим, — Макс чуть замедлил шаг, чтобы Анна могла приспособиться к его темпу, и переспросил: — А как ты?

— Я? Не знаю, — Анна внезапно почувствовала, что не может думать ни о чем ином, кроме боли в ногах. — Думаю, все в порядке, — не очень уверенно повторила она.

— А как твои курсы? Тебе нравится учиться? — спросил озабоченно Макс.

— Да... Но это бесперспективно, мне кажется, — если совсем нет денег. Про художников рассказывают разные истории. Как они уходят из дома ради искусства и живут в бедности, где-нибудь на чердаке. Но если твоя семья и так живет на чердаке... Я думаю, мне придется искать работу...

— Но тебе еще нет шестнадцати! — воскликнул Макс. И добавил почти сердито: — Кажется, вся удача выпала на мою долю.

— Какие глупости! — возразила Анна. — Получить стипендию мэра для обучения в Кембридже — это не просто удача.

Они подошли ко входу на станцию «Рассел-Сквер». В лифте, готовом к спуску, уже закрывались двери.

— Ну... — сказала Анна.

Однако Макс медлил.

— Послушай, — сказал он вдруг, — может, тебе приехать на выходные к нам в Кембридж? — И поспешил добавить, как будто Анна протестовала: — Я обо всем позабочусь. Все тебе покажу, познакомлю с моими друзьями. Будет весело!

Двери лифта начали закрываться, и Макс придержал их.

— Я напишу все подробно! — крикнул он Анне и вместе с лифтом скрылся из виду.

Анна медленно вернулась обратно в гостиницу. Мама и папа ждали ее за одним из столиков в холле. Рядом с ними сидела дама из Германии, возраст которой трудно было определить.

— ...в Берлинской опере, — говорила поблекшая дама. — Вы сидели в третьем ряду партера. Я помню, муж указал мне на вас. Я была так взволнована! А на следующее утро в газете появилась ваша замечательная статья.

Папа вежливо улыбался.

— Тогда, по-моему, пели оперу «Лоэнгрин», — продолжала дама. — Или «Волшебную флейту»? А может быть, и «Аиду»... Но в любом случае это было прекрасно. В те дни все казалось прекрасным...

Папа увидел Анну.

— Прощу меня извинить, — сказал он даме, отвесив прощальный поклон, и они с мамой и Анной пошли в столовую обедать.

— Кто это? — спросила Анна.

— Жена одного немецкого издателя. Ей удалось уехать, а вот мужа нацисты убили.

— Один бог знает, на что она тут живет, — добавила мама.

Это был обычный воскресный обед. Их обслуживала девушка из Швейцарии. Ей хотелось выучить английский язык. Но работая здесь, в гостинице, гораздо легче освоить польский, чем английский, думала Анна. На десерт подали пудинг с черносливом, а потом возник спор по поводу счета. Официантка хотела внести в него и то, что съела Анна. Но мама возразила: ведь во вторник она, мама, плохо себя чувствовала и пропустила обед. Это нужно учесть! Девушка из Швейцарии засомневалась, что пропущенный мамой обед можно засчитать Анне. Мама разволновалась. Папа расстроился и попросил «не устраивать сцен». Пришлось обратиться за разъяснениями к хозяйке гостиницы. И та в конце концов решила, что в этот раз — так и быть — пусть будет по-маминому. Но только в этот раз.

Однако настроение у всех уже было испорчено.

— Посидим здесь или пойдем наверх? — спросила мама, когда они вернулись в холл.

Завидев ту поблекшую даму, Анна предложила пойти наверх: ей совсем не хотелось обсуждать Берлинскую оперу.

Папа уселся в кресло, Анна с мамой устроились на кровати.

— Надо не забыть дать тебе деньги на проезд на следующую неделю, — сказала мама, открывая сумочку.

Анна взглянула на маму и сказала:

— Мне кажется, я должна устроиться на работу.



## ГЛАВА ВТОРАЯ

Анна с мамой сидели в комнате ожидания в Организации помощи еврейским беженцам из Германии.

— Если бы только нам помогли оплатить твоё обучение на курсах секретарей, — повторяла мама, наверное, в шестой раз, — ты бы потом вполне могла зарабатывать себе на жизнь.

Анна кивнула.

Вдоль стен на жестких стульях в ожидании собеседования сидели такие же беженцы, как они с мамой. Некоторые нервно, на повышенных тонах, переговаривались друг с другом. Другие читали газеты (Анна отметила одну газету с английским названием, одну — с французским, две — со швейцарским и одну на идише). Двое пожилых супругов ели булочки из бумажного пакета, а какой-то сгорбленный тощий человек одиноко стоял в углу, уставившись в пространство. В комнате периодически появлялся служащий, выкликал чье-то имя, и тот, кого вызвали, поднимался с места и шел за ним.

— У тебя должен появиться какой-то фундамент для жизни, — приговаривала мама. — То, чего у меня никогда не было. Тогда сможешь стать независимой.

Сначала мама отвергла предложение Анны найти себе работу, но потом со свойственной ей энергией бросилась на поиски подходящих учебных курсов. В том, что Анне необходимо окончить специальные курсы, мама была твердо уверена. Вот только какие именно? Идея поступить на курсы секретарей вроде бы напрашивалась. Но полная неспособность Анны освоить стенографию входила в список ее многочисленных неудач во время обучения в школе мисс Меткаф.

— Дело не в том, что это трудно. Это ужасно скучно! — жаловалась Анна.

В ответ на это мисс Меткаф снисходительно улыбалась и замечала: «Гордыня не лучшее качество!»

Мама прекрасно понимала трудности Анны со стенографией, и в конце концов, путем многочисленных расспросов дальних и близких знакомых, ей удалось разузнать о секретарских курсах, где обучали по другой системе. Вместо стенографии там учили печатать на портативных машинках, напоминавших пишущие. Это было гораздо легче, к тому же машинки можно было приспособлять к разным языкам. Единственной проблемой была стоимость этих курсов — двадцать пять фунтов стерлингов!

— Господин и госпожа Цукерман! — вызвал служащий престарелых супругов, самозабвенно поглощавших булочки.

Они торопливо засунули недоеденные остатки обратно в пакет и последовали за служащим.

— Я считаю, что мы имеем право на помощь, — приговаривала мама. — Мы еще никогда ни о чем не просили.

Мама и сейчас не стала бы обращаться в Организацию помощи беженцам. И только опасение, что Анне придется работать без нужных навыков, как ей самой, заставило маму пойти на это. Пять с половиной дней в неделю мама проводила в полуподвальном помещении, перепечатывая и сортируя письма. Она ненавидела свою работу.

— Господин Рубинштейн!

— Господин и госпожа Берг!

Женщина, сидевшая напротив мамы, тяжело поднялась.

— Как же долго они заставляют ждать! — воскликнула она. — Еще немного — и у меня не хватило бы сил это вынести, честное слово!

— Но это лучше, чем ждать на границе, Берта, — заметил, нахмурившись, ее муж.

Он повернулся к маме и Анне:

— Моя жена стала несколько нервной. Нам пришлось нелегко. Мы уехали из Германии перед самой войной.

— Как это было ужасно! — запричитала женщина. — Нацисты все время кричали на нас, угрожали. Там был один несчастный старик... Он думал, его документы в порядке. А его стали бить — кулаками, ногами — и не пропустили. И потом закричали нам: а вы пока проваливайтесь. Но мы до вас доберемся! Мы вас позже прикончим!

— Берта... — муж попытался ее остановить.

— Они так и сказали: мы до вас доберемся — куда бы вы ни сбежали. Мы завоюем весь мир!

Мужчина погладил жену по руке и улыбнулся маме извиняющейся улыбкой:

— А вы когда уехали из Германии?

— В марте 1933 года, — ответила мама.

Среди беженцев считалось, что чем раньше ты покинул Германию, тем больше уважения заслуживаешь. Эмигрировать в 1933 году значило то же самое, что приплыть в Америку на «Мейфлауэре»<sup>4</sup>. И мама никогда не упускала возможности подчеркнуть, что они уехали именно в марте.

— Я понимаю, — отозвался мужчина.

Но на его жену сообщение мамы произвело сильное впечатление. Она испуганно взглянула на Анну:

— Вы не представляете, что сейчас там происходит.

Анна мгновенно замкнулась. Она предпочитала не думать о том, каково сейчас жить в Германии.

Следующей вызвали женщину в поношенном меховом пальто, сжимавшую свою сумочку:

— Мисс Гольдштейн!

Затем настала очередь человека в очках, в котором мама узнала одного не очень известного скрипача.

И тут пригласили маму и Анну.

— Пройдите, пожалуйста, в студенческий отдел, — сказал служащий и привел их в комнату, где за столом сидела седовласая дама, чем-то напоминавшая мисс Меткаф, но гораздо приятнее. Дама читала анкету, которую Анна заполнила перед тем, как прийти на собеседование.

— Здравствуйте, — дама жестом указала маме и Анне на стулья. — Итак, — повернулась она к Анне, — вы хотели бы стать секретарем.

— Да.

Седовласая дама снова взглянула в анкету Анны.

— У вас очень хорошие оценки за итоговые экзамены. Но вы не захотели продолжить обучение в прежней школе?

— Нет, — ответила Анна.

— Позвольте узнать, почему?

— Мне не нравилась школа. Там мало кто остается после сдачи экзаменов на аттестат... И нельзя сказать, чтобы там меня многому научили, — добавила Анна после некоторых колебаний.

Дама опять погрузилась в изучение анкеты.

— Школа для девочек Лилиан Меткаф... Я знаю эту школу. Больше видимости, чем содержания. Жаль...

Считая школьную тему закрытой, дама перешла к вопросам, связанным с секретарскими курсами. Значит, Анна хочет попробовать? Сколько времени на это понадобится? И какую работу она рассчитывает получить, окончив эти курсы? Анну так подкупила сокрушительная оценка школы мисс Меткаф, что она отвечала подробно и стеснялась гораздо меньше обычного, и через довольно короткое время дама сказала:

— Ну что же, это весьма удовлетворительно.

На мгновение Анна подумала, что все уже позади, но тут дама повернулась к маме:

— Простите, но к нам за помощью обращается очень много людей. Поэтому я обязана задать вам несколько вопросов. Как давно вы живете в стране?

— С 1935 года, — ответила мама. — Но из Германии мы уехали в марте 1933-го...

Анна столько раз слышала эти объяснения, что знала их наизусть: шесть месяцев в Швейцарии... два года во Франции... Великая депрессия... сценарий фильма... полученные средства позволили им приехать в Англию... нет, фильм так и не был снят... это не связано с тем, что папа не говорит по-английски, потому что сценарий перевели... но сейчас, конечно, писатель без языка...

Возникла некоторая напряженность.

— Простите, — снова сказала дама, — я понимаю, что ваш муж — выдающийся человек. Но сейчас, пока вы находитесь в такой трудной ситуации, не мог бы он найти для себя какое-нибудь более приземленное занятие? Хотя бы на некоторое время?

Папа, подумала Анна, никогда не мог забить гвоздь, чтобы тот не согнулся, не умел сварить себе яйцо. Он ничего не умел, кроме того, чтобы складывать слова. Но это у него получалось прекрасно...

— Мой муж, — ответила мама, — не отличается особой практичностью. И потом, он намного старше меня, — и она покраснела.

— О! Конечно, конечно, — быстро заговорила дама. — Приношу свои извинения.

Забавно, подумала Анна, даму гораздо больше впечатлило упоминание о папином возрасте (а ведь при встрече с папой на его возраст никто никогда не обращает внимания!), чем признание в папиной непрактичности, которая сразу бросается в глаза. Однажды, когда они еще жили в Париже, папа потратил

почти все деньги на швейную машинку, а та оказалась сломанной. Анна помнила, как они вместе с папой ходили к торговцу подержанными вещами, чтобы эту машинку вернуть. В Париже у них тоже было трудно с деньгами, но почему-то тогда ее это не сильно беспокоило. В Париже она не чувствовала себя беженкой.

Мама рассказывала даме о своей работе:

— Некоторое время я работала секретарем у леди Паркер. Может быть, вы о ней слышали. Но потом у нее умер муж, и она переехала жить в деревню. А я сейчас помогаю разбирать бумаги, связанные с его наследством.

Дама смутилась:

— И... э-э-э... сколько?..

Мама сказала, сколько ей за это платят:

— Видите ли, у меня нет должной квалификации. В детстве я обучалась музыке... Но благодаря моей работе мы способны оплачивать счета в гостинице «Континенталь».

Возможно, в Париже они чувствовали себя по-другому, подумала Анна, потому что мама тогда не работала и они жили в квартире, а не в гостинице. А может быть, Англия просто ей не подходит. Здесь она почти никого не знает, за исключением тех, с кем познакомилась в школе мисс Меткаф. И действительно, после того как они перебрались в Англию, многое пошло не так. Например, она неожиданно поправилась, причем в каких-то неожиданных местах, и теперь вся одежда сидела на ней отвратительно. Мама ее убеждала, что это «щенячий жирок» и он скоро сойдет. Через какое-то время «жирка» действительно поубавилось. Но Анна по-прежнему была склонна винить в своих неприятностях Англию.

В конце концов, до приезда сюда толстой ее никто не считал.